

Д. К. Джером

**Досужие мысли досужего
человека**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Д11

Д11 **Д. К. Джером**
Досужие мысли досужего человека / Д. К. Джером – М.: Книга по Требованию,
2013. – 384 с.

ISBN 978-5-458-23144-2

В истории английской литературы Джером К. Джером (1859-1927) занимает скромное место. Его не приходится сравнивать с гениями, подобными Диккенсу, Теккерею или Бернарду Шоу. И все же не найдется читателя, который бы остался равнодушным при чтении юмористических произведений Джерома. К некоторым его книгам возвращаешься вновь и вновь, как к старому доброму другу, который сохранил вопреки времени молодость и жизнерадостность. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1983 года.

ISBN 978-5-458-23144-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

его новых книг с нетерпением. И получали их быстро. Только автору не платили за перепечатки ни гроша, а текст порой «американизировали», уродуя до неузнаваемости.

Джером Клапка Джером (1859—1927) жил во времена, когда издательское дело быстро становилось прибыльной областью коммерции. Законов, охраняющих права писателя, практически еще не было. Этические соображения не отягощали негодяев от литературы. Им было важно заработать на чужом успехе.

Жертвами подобного положения оказались многие литературные современники Джерома, но так, как он, не пострадал, кажется, никто. По-своему это понятно. Во-первых, Джером был слишком популярен. А главное, в глазах публики и тем более издателей-пиратов это был всего-навсего юморист, профессиональный балагур, творец однодневок, о которых не вспомнят потомки. Никому и в голову не приходило, что его книги способны пережить свою эпоху. Их читали, потому что они были смешны,— и только. С их автором можно было не церемониться, не опасаться, что на его защиту выступят авторитетные критики, определяющие, что из современной беллетристики — искусство, а что лишь журнальная сенсация, которой суждено скорое забвение.

Даже его имя с этим комичным «Клапка», режущим английский слух, казалось пародийным, настраивая несерьезно относиться ко всему, что шло в печать за такой подписью. А литературные светила его попросту игнорировали. Или высказывались о нем раздраженно, даже грубо. Джером? Помилуйте, ну какая же это литература! Так себе, примитивное чтиво для неразборчивой уличной толпы. Пошловатые юморески, сплошная безвкусица. В лучшем случае неприятное развлечение, чтобы скоротать время, пока трясешься в вагоне подземки, добираясь на работу или с работы.

Надо сказать, некоторые его произведения дают не столько основание, сколько повод для подобных оценок. Нередко Джерому хотелось лишь любой ценой рассмешить читателя — и не более того. Характерна в этом отношении, например, повесть в новеллах «Как мы писали роман» (1891). Изобретательности Джерома, выдумывающего одну комическую ситуацию за другой, трудно не позавидовать. Но это комизм внешний, не затрагивающий сколько-нибудь серьезных и существенных сторон действительности. Приемы, давно отработанные юмористикой и действующие безотказно, в данном случае едва ли не исчерпывают собой все содержание вещи.

Впрочем, как не отдать должного виртуозному мастерству, с каким эти приемы используются, и непринужденности забавного повествования Джерома, над которым вот уже столько лет беспечно и весело смеются все новые поколения читателей. Литературных снобов — а их в ту эпоху было великое множество — коробила безыскусность, присущая джеромовским скетчам и пародиям, рассказам и повестям. Находили, что это беллетристика, чуть ли не ориентирующаяся на мещанские запросы, обывательские представления и потребности. По отношению к Джерому это крайне несправедливо.

Он и впрямь порой скользит по поверхности явлений, но и в самых неприятных его произведениях всегда есть незаменимое свойство подлинного юмора — свобода от всяческих условностей, независимый взгляд на жизнь, ощущение ее динамики и непредугаданности, перед которой смешны, беспомощны высокоумные теории педантов, все на свете желающих расставить по своим строго определенным местам. И та же повесть «Как мы писали роман» в этом смысле ничуть не исключение из правила. Ее отличают насмешливость и неприятие догматики во всех ее формах и разновидностях — черты, сразу же выделившие Джерома среди журнальных юмористов его времени, но не оцененные критикой, только и знавшей что твердить о его слабостях да просчетах.

К такого рода критике Джером привык смолоду и постепенно перестал обращать на нее внимание. Он не переоценивал свои творческие возможности. Но твердо знал, что в литературе у него собственная дорога. Знал, что интерес, который он вызывает у читателей, не случаен, не мимолетен.

Время показало, что в этом Джером не ошибался. Он писал легко и на вид беззаботно, но умел коснуться существенного. Современники ценили в нем только непринужденность, наблюдательность, остроумие. Мало кто задумывался, что сама его ирония — это своеобразный способ выразить нешаблонное и по-своему глубокое понимание времени и людей. За его внешней безмятежностью скрывалось обостренное ощущение нелепости многих устоявшихся, общепринятых понятий, принципов и норм. Его насмешливый взгляд улавливал не замечаемую другими гротескность повседневного быта и нравов. Его скетчи и сценки складывались в комическую — и пронизательную — хронику эпохи, которая не всегда узнавала себя в этом необычном своем отражении, но для потомков сохранилась во многом именно такой, какой ее запечатлел Джером.

У него была удивительная способность в любой житейской ситуации точно распознавать истинные и мнимые побуждения, мотивы, стимулы поведения людей, высмеивая всякое притворство и фальшь с той ненавязчивой ироничностью, которая порой оказывалась действеннее, чем самая жестокая сатира. Эту способность развила в Джероме вся его биография. Жизнь Джерома, которая со стороны могла бы показаться осуществленной сказкой о любимчике судьбы, в действительности была нелегкой. Его отец, фермер из Девоншира, вложил все свои сбережения в серебряные рудники и угольные копи, разорился и окончил свои дни в нищете. Самым ранним воспоминанием Джерома была копоть, которой заросли дома и улицы его родного шахтерского городка Уолсола: «Унылая земля под пеплом, черная вода ручьев, текущих среди черных берегов, черные, иссохшие деревья в черных полях, черные, увядшие цветы по обочинам...»

В доме Джеромов, пока дела семьи шли еще сносно, нашел приют один из венгерских повстанцев 1849 года, бежавших с родины, когда революцию утопили в крови. Офицер повстанческой армии Дьердь Клапка на склоне лет принялся за мемуары.—они не сохранились, но будущий писатель хорошо запомнил рассказы человека, чье имя он носил вместе с именем отца. Через много лет со страниц своей газеты «Тудэй», закрытой из-за либеральных взглядов Джерома, вызвавших судебное преследование по обвинению в «клевете на общество», он с резким осуждением выскажется и об англо-бурской войне, и о колониальном дележе Китая, и о резне армян, устроенной магометанскими фанатиками в Турции.

Представления Джерома о политике обычно оставались поверхностными и смутными. Но чувство социальной справедливости и сострадания к угнетенным не изменяло ему никогда.

Он очень рано осиротел. В четырнадцать лет ему пришлось оставить школу и сделаться мелким клерком какой-то железнодорожной конторы. Потом началась эпоха театра. Джером стал актером бродячих трупп. В Лондоне наскоро сколачивали актерский ансамбль и, с двух-трех репетиций подготовив спектакль, возили его по стране, пока удавалось собирать зрителей. Играли, как правило, Шекспира. Джером вспоминал, что в «Гамлете» он исполнил все роли, кроме Офелии.

Так в обществе невезучих комедиантов проходили его юношеские годы. Выступать приходилось в обшарпанных залах захудалых гостиниц или на летних эстрадах, по которым гуляли склозники. Сняв

парик и камзол главного героя пьесы, Джером спешил облачиться в чепец и кринолин, чтобы в следующей сцене появиться перед зрителями сиделкой у постели его больного отца. Декорации спетились дырами, костюмов не взял бы и старьевщик, а антрепренеры нещадно жульничали, поровня урезать и без того скудный бюджет своих артистов.

И все же сцена влекла к себе Джерома властно, неодолимо. Его приятель по актерскому миру надумал издавать журнальчик, посвященный новостям театра. Предприятие быстро прогорело. Однако Джером успел напечатать цикл очерков «На сцене и за кулисами» (1885). Это был его первый литературный опыт.

Он незатейливо рассказывал о будничном театральном быте и был удивлен, что его очерки не только заметили, но тут же предложили издать книжкой, вышедшей год спустя. Оглядываясь на то время, Джером напишет в мемуарах: «Критики объявили, что мои сочинения сущий вздор. Через три года появились «Досужие мысли досужего человека», и теперь они сокрушались, что автор, чей дебют обещал так много, совсем разочаровал публику». А когда в 1898 и 1905 годах печатались следующие выпуски «Досужих мыслей», рецензенты единодушно твердили, что автор исписался и измелъчал. То же самое, впрочем, говорилось чуть ли не о любой новой книге Джерома.

Конечно, в таких упреках была доля истины. Неожиданно для самого себя сделавшись профессиональным литератором, Джером решил не искушать судьбу, одарившую его ранним успехом, и порою на самом деле усиленно эксплуатировал свои же находки. Он повторялся, прибегая к проверенным приемам. Ему иногда недоставало свежих мыслей и неожиданных сюжетных ходов, которые так ценятся в юмористике.

Но, толкая об однообразии, критики не увидели у Джерома самого главного — новизны позиции, избранной героем-повествователем, и специфического восприятия жизни, которое свойственно такому персонажу. Джером писал для газет и дешевых, массовых журналов. Читатели юморесок, во множестве печатавшихся на страницах этих изданий, были приучены к шаржу. Здесь не скупилась на самые невероятные преувеличения, гротеск не признавал никаких ограничений. Существовало несколько комедийных масок, давно всем известных, хотя по-прежнему вызывавших улыбки.

Открыв страничку юмора в популярном еженедельнике, читатель ждал очередной встречи со своими давними знакомцами. Например,

с простоватым фермером, растерявшимся в городской суете и потешающим прохожих немыслимым произношением. Или с подвыпившим гулякой, который петушится за стойкой, оттягивая минуту возвращения домой к разъяренной мегере-супруге. Или с тупоумным полисменом, с изворотливым, острым на язык лондонским мальчишкой-посыльным, с неудачливым аферистом в рваных башмаках, готовым каждому встречному за гроши продать ошеломляющий план обогащения...

Джером отказался и от шаржа и от традиционных масок. Жанровым принципом своего повествования он сделал анекдот. Он описывал заурядные житейские происшествия, характерными для юмориста средствами добиваясь нужного эффекта, когда в самой привычной повседневности обнаруживаются черты никем не замечаемого абсурда или, наоборот, совершеннейший абсурд предстает обыкновенной, нормальной будничностью. Но для Джерома эти комедийные метаморфозы обыденного не исчерпывали художественной задачи.

Анекдот привлек его тем, что схваченная здесь в необычном ракурсе картинка действительности содержит в себе зерно новеллы, позволяющей наметить целостный образ той или иной среды, а подчас и определенного мира. Сюжеты этих новелл-анекдотов у Джерома бесконечно многообразны, но суть рассказываемого одна и та же: перед нами «маленький человечек», который старается «ориентироваться в жизни».

Этот «маленький человечек», каким его показывал Джером, может быть забавным и трогательным, наивным и хитроватым, но он никогда не напоминает карикатурный образ. Искусство Джерома не терпит подобной упрощенности, однолинейности. Смешить, и только, — этого ему мало. Он хочет, чтобы читатель хоть ненадолго задумался над превратностями бытия, попытавшись осмыслить его законы так, как их осмысляют джеромовские «маленькие люди». Оттого Джером и удивлялся, когда его называли юмористом. Ведь тогдашней журнальной юмористике такого рода устремления были чужды. Там безраздельно властвовали комедийные стереотипы, создаваемые повторяемостью масок или искусственным нагромождением нелестностей. А ирония Джерома выражала определенное отношение к жизни. Поэтому она была способна создать по-своему законченный портрет «маленького человечка» и показать мир, увиденный его глазами. Бытовые сценки заполнялись содержанием, далеко выходящим за рамки обычного скетча, обычной юмористической зарисовки.

На таком переосмыслении традиционного содержания юморески основывается, например, эффект самой знаменитой повести Джерома «Трое в одной лодке» (1889). Это один из самых замечательных образцов английского юмора. Читая рассказ о неудавшейся поездке трех лондонцев к верховьям Темзы, чаще всего вспоминаешь раннего Диккенса — «Очерки Боза», а особенно «Пиквикский клуб». Те же самые беззаботные чудачки, прямые потомки Уинкля, Тапмена и мистера Пиквика. И та же самая присущая им всем беспечность, неспособность к практической жизни, ничуть, однако, не мешающая радоваться каждому приключению и, легко перенося невзгоду, с нетерпением ожидать прекрасный завтрашний день.

В романе «Пол Келвер» и в мемуарах Джером рассказывает, как мальчиком он случайно встретил на дорожках Виктория-парка Диккенса и, преодолев робость, познакомился с великим писателем. Тогда он еще не подозревал, что эта встреча станет, быть может, решающим событием всей его жизни. Любовь к Диккенсу Джером пронес через десятилетия, по мере сил стараясь следовать диккенсовским творческим заветам. Но все-таки Джером оказался писателем иного типа.

И дело не в том лишь, что масштабы его дарования, конечно, не сопоставить с талантом Диккенса. По сравнению с «Пиквикским клубом» у Джерома другой юмор, а точнее, другая «сверхзадача» юмора. Диккенс вылепил незабываемые индивидуальные характеры, в которых проступают типичнейшие особенности англичан как нации. Лица персонажей Джерома для читателя, едва он закроет книгу, сливаются в одно лицо. Это некий обобщенный «маленький человек» викторианской Англии, уже усвоивший несколько невеселых истин относительно своего положения в обществе и возможностей, которые ему предоставлены.

Положение незавидно, а возможности куда как узки,— ну что же, остается иронией и самоиронией защищаться и от этой давящей скуки повседневности, и от всеобщей одержимости практицизмом, и от унылой безликости эпохи, и от всех ее несправедливостей, социальных бедствий и драм, о которых Джером знал не понаслышке: голодная юность послужила для него отличной жизненной школой. Парадоксальным образом герои Джерома, оказываясь в анекдотических ситуациях, гораздо отчетливее выявляют скрытые в них человеческие свойства, чем это произошло бы в атмосфере спокойного, размеренного и бесцветного повседневного существования. Об одном из путешественников по Темзе мы только и знаем, что он спит положенные часы

в каком-то учреждении, ведающем кредитами, о другом — что он занимается спортом, не обладая нужными для этого дарованиями и спортивной. «Грузный и нелепый хлам» условностей, забот, беспокойств загромождает ладью жизни. Она еле движется, требуя от гребцов напряжения всех сил.

Так «выбросьте этот хлам за борт». Пусть ладья несет только самое необходимое: двух-трех настоящих друзей, минимум припасов, обкурившую трубку, собаку... А странники пусть отдадутся мечтательному безделью.

И, последовав нехитрому этому совету, герои Джерома вновь становятся живыми людьми. Вот они безуспешно сражаются с палаткой и моknут под дождем, хоть и запаслись брезентом. Затеяв приготовить экзотическую яичницу, они вынуждены позавтракать ложкой горелых хлопьев. Бечева оказывается для них непобедимым врагом, а привязанный к мачте острый камень, которым за неимением консервного ножа пытались открыть банку джема, превращается в опасный метательный снаряд.

Читатель смеется, но не над ними, скорее над самим собой. В трагикомических перипетиях речного путешествия он узнает нечто знакомое, родственное: ведь некогда и с ним происходило почти то же самое. Тяжелый, сковывающий хлам будничности на миг позабыт. Люди перестали быть лишь статистами в какой-то унылой пьесе, которую приходится играть день за днем, не понимая ни ее смысла, ни собственной роли. На природе, вдали от прозаичной повседневности, герои Джерома не просто существуют...они живут полноценно и свободно, сразу же делаясь близкими любому из нас.

Под старость Джером увлекся доктринами опрощения и написал несколько книг, всерьез доказывающих осуществимость таких проектов. Книги получились скучными, назидательными и фальшивыми. Иначе и не могло быть. Первая мировая война окончательно развеяла иллюзии насчет «естественной» жизни и бегства от общества.

Но «Трое в одной лодке» и рассказы молодого Джерома — менее всего проповедь спасительных для человечества идей. Наоборот, здесь постоянно чувствуется легкая, ненавязчивая насмешка автора над романтическими, но эфемерными устремлениями персонажей к простому, здоровому и безмятежному бытию в согласии с «природой». Возможность такого бытия — это давняя греза того «маленького человечка», который и стал основным героем Джерома. Ему все

труднее ориентироваться в сложностях окружающей социальной действительности, и поэтому им все настойчивее овладевает мечта сбежать от этих сложностей в какой-нибудь не тронутый цивилизацией уголок, предавшись сладкой праздности. Джерому понятна и близка эта мечта, но ум его слишком скептически, чтобы ей довериться. И, показав иллюзию почти свершившейся, он все-таки в каждом своем произведении подвергает ее испытанию реальностью, обнаруживающей истинную меру вещей.

В этом смысле особенно важна позиция повествователя. Джером создал новый для английской юмористики персонаж, назвав его «досужим человеком». От лица этого персонажа он ведет рассказ во всех своих юмористических книгах. Нельзя отождествлять рассказчика с автором: это персонаж, который лишь выполняет функцию, определенную для него писателем. Правда, в нем немало черт, отличавших самого Джерома. «Досужий человек» обладает здравым смыслом, иронией и немалой долей скепсиса. Он идеально отвечает целям, к которым стремился писатель в своем творчестве.

Когда Джерому необходимо развенчать краснобайство джентльменов, «болтающих чепуху о превосходстве бедности над богатством», его «досужий человек» без обиняков выскажется в том духе, что, посидев денек-другой на хлебе и на воде, быстро позабудешь о нравственных страданиях и сердечных муках. А когда речь в рассказе заходит о том, что жизнью правят ложь, притворство и дух коммерции, у «досужего человека» достанет наблюдательности, чтобы заметить сходство демагогических приемов торговца мылом, служителя муз и лидера политической партии, в одних и тех же выражениях расхваливающих свой товар.

Высказывания и комментарии «досужего человека», как будто безобидные и незатейливые, подчас скрывают в себе ядовитый сарказм. Но по характеру дарования Джером не был сатириком. Его юмор, как правило, добродушен, в его произведениях осмеиваются не столько общественные пороки, сколько человеческие слабости и самообманы, и маска «досужего человека» — проницательного при всей своей кажущейся апатии и беспечности — оказывается незаменимым средством для скромных задач, которые перед собой ставил писатель.

Публикуя первый сборник «Досужих мыслей», Джером предупреждал в авторском предисловии, чтобы от книги не ждали слишком многого: «Она, может быть, внесет некоторое разнообразие, когда,

утомившись от чтения «нетленных шедевров», вы на полчаса отложите их в сторону». Ему представлялось, что он создал чисто развлекательное произведение. Но читатели рассудили по-другому. В суждениях «досужего человека» они нашли и остроумие и правду.

Джером подхватывал свойственный литературе его эпохи несколько шуточный, несерьезный тон, однако правда, которую читатели уловили в его книгах, далеко не всегда внушала жизнелюбие и оптимизм. Только кажется, будто писатель скользил по поверхности жизни, обходя ее острые углы. Да и сам «досужий человек» не похож на беззаботного фланера. Джером однажды заметил о своем герое, что «его наиболее характерная черта — всегдашняя занятость». Это не парадокс. «Досужий человек» и впрямь постоянно занят: наблюдением, сопоставлением, работой ироничной мысли.

А этой мысли, которая пытливо вникает в окружающую действительность, то и дело открываются явления тягостные, даже отталкивающие, как бы ни старался повествователь смягчить их горечь шуткой. От взгляда «досужего человека» не укрылись характернейшие черточки английской жизни, которая перед ним проходила. Кастовая и национальная спесь, мелкий эгоизм, тщеславие, пустопорожняя риторика либералов, разгулявшиеся амбиции богачей, двуличие столпов общества — все это постоянные темы размышлений Джеромовского рассказчика. Он не изобличает, не клеймит, даже не возмущается. Он просто показывает вещи, как они есть, ограничиваясь насмешливыми замечаниями о том, насколько не совпадают видимость и сущность, претензии и истина. Но, случается, такая насмешка разит убийственнее, чем выпущенная в упор сатирическая стрела.

Правда, так происходит только в самых смелых произведениях Джерома. Они немногочисленны. Перелистывая его сборники, гораздо чаще встретишь скетчи и рассказы, где юмор слишком незлобив, а то и бессодержателен.

Джером любил пародировать. Ряд его новелл и повестей (например, «Истории, рассказанные после ужина», 1891) представляют собой иронические парафразы расхожих мотивов и жанров тогдашней беллетристики, рассчитанной на массовый спрос и охотно прибегавшей к мистике, к сюжетам с призраками или к сентиментальной патетике и велеречивости. Он пробовал свои силы и в детективном рассказе, и в старинном, восходящем к писателям-моралистам XVII века жанре эссе, воссоздающего определенный человеческий характер. — таковы; его «Наброски лиловым, голубым и зеленым»

(1893), где Джером, отчасти подражая, отчасти иронизируя, воссоздает традицию, ведущую к знаменитым «Характерам» Лабрюйера.

Одним из первых он открыл и оценил дарование О. Генри, новеллы которого печатал в своем журнале. Может быть, не случайно псевдоним американского юмориста повторяется в заглавии джеромовского сборника «Наблюдения Генри» (1901). Композиционная идея этой книги — цикл рассказов, ведущихся от лица официанта в курортном ресторане, переживавшего на своем веку самых разных людей с их причудливыми понятиями и устремлениями. — родственна художественным приемам, характерным для заокеанского конкурента Джерома в соперничестве за честь называться лучшим современным юмористом.

Это соперничество давно стало фактом литературной истории, воздавшей должное и О. Генри, и Джерому. Из обширного наследия английского писателя она сохранила для сегодняшнего читательского поколения не так уж много: с десяток рассказов, «Трое в одной лодке» и цикл «Досужих мыслей». Беспристрастный критический разбор обнаружит в этих наиболее значительных вещах Джерома свои шероховатости и изъяны. Однако обаяние джеромовского юмора не притупляется с ходом лет. Все так же плывут по Темзе в своей уютной лодке Джей, Джордж, Гаррис и Монморанси, вызывая и сегодня у читателя смех, как заставляли их приключения хохотать подписчиков забытого теперь журнала «Домашний благовест» почти столетие назад. И все так же герои Джерома, эти «комические актеры на великой сцене нашего мира», притягивают к себе читателей в самых разных странах.

А. Заерен